

Тематическое и визуальное содержание татарского
букваря 40 – 50-х годов XX века:
ТАТАРСКИЙ БУКВАРЬ 1940-х – 1950-х гг.¹

Д.М. Галиуллина, А.А. Сальникова

Аннотация

В статье дается характеристика татарского национального букваря 40-х – 50-х гг. XX века. Появление в этот период нового поколения татарских букварей было обусловлено такими факторами, как перевод татарского языка на кириллицу, общей тенденцией к стандартизации и унификации учебников, а также теми социально-политическими условиями, которые сложились как в позднесталинской России, так и в период «оттепели» и ликвидации последствий сталинизма в СССР. Предметом анализа стали вербальные и визуальные тексты последовательно сменявших друг друга букварей М.Х. Курбангалиева и Г.Г. Сайфуллина, являвшимися единственными изданиями татарского букваря для детей в рассматриваемый период. Особое внимание уделено процессу дальнейшего «осовечивания» элифбы и проблеме преемственности и разрыва в татарской советской букварной традиции.

Ключевые слова: татарская «Алифба», «графическая» революция, унификация, стандартизация, образовательные и воспитательные практики, исторический источник.

В 1939 г. татарский язык постигла новая «графическая революция». Принятое 13 марта 1938 г. постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» [1] было «облегчено» поспешным (в случае с Советской Татарией – 3-хмесячным!) переводом национальных языков на кириллицу. 2 января 1939 г. бюро Татарского обкома ВКП(б) постановило «принять к руководству и исполнению» решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1938 г. о переходе на кириллицу, а уже 7 апреля 1939 г. приняло постановление «О переходе татарского латинизированного алфавита на новый, основанный на русской графике алфавит» [см. 2, с. 298], содержащее конкретные меры по его реализации [3, с. 13]. 5 мая 1939 г. указом Президиума Верховного Совета ТАССР кириллический алфавит был утвержден в качестве основного и единственного алфавита татарского языка.

Введение алфавита на основе русской графики обосновывалось стремлением «удовлетворить многочисленные ходатайства трудящихся татар, рабочих, колхозников, интеллигенции» [3, с. 200]. Подготовка к будущей войне, воспитание населения в героико-патриотическом духе, повсеместный поиск врага – истинного и мнимого, необходимость постоянной борьбы с

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме "Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)", а также грантов РГНФ 11-06-00275а и 13-06-00038а.

западным «капиталистическим окружением» и стремление к изоляции советского человека от «тлетворного влияния Запада» придавали кириллице неоспоримое преимущество перед выполнившей свои политические задачи латиницей.

Общественно-политическая ситуация в стране в 1939 г. была такова, что о возможных дискуссиях, а уж тем паче о прямом несогласии с директивами властей не могло быть и речи. Официально переход был осуществлен организованно и быстро. Как писал Б.Ф. Султанбеков, «выступили два профессора, опубликовали письмо передовой учительницы и решение педагогического совета училища. Все они доказывали неоспоримые преимущества кириллицы перед «яналифом». На том и порешили» [4, с. 137]. Да и сопротивляться тогда было просто некому: значительная часть татарской интеллигенции к тому времени была репрессирована.

Татарское население вновь нужно было переучивать. Изданные за предшествовавшее десятилетие тысячи учебников, в том числе и букварей на латинской графике, оказались ненужными. Указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 5 мая 1939 года обучение на основе нового алфавита в школах, техникумах и высших учебных заведениях должно было начаться в 1939–1940 учебном году [5, с. 554]. Курсы для взрослых открывались 1 сентября 1939 г. Периодическая печать и учреждения переходили на новую графику с 1 января 1940 г.

Первый татарский букварь на кириллице (предназначался он для крещеных татар) был, как известно, создан Н.И. Ильминским и опубликован в Санкт-Петербурге еще в 1862 г. Через два года, в 1864 г., букварь переиздали с поправками, а затем вплоть до 1917 г. переиздавали еще 19 раз. Внесенные поправки включали, в частности, буквы, отсутствовавшие в русском алфавите, но необходимые для воспроизведения фонетических особенностей татарского языка. В первом издании букваря появилась одна дополнительная буква – «н» – для обозначения носового «н», во втором под специфические звуки татарского языка «ә», «ү», «ө» были приспособлены такие буквы русского алфавита, как «ä», «ÿ», «ö» [6, с. 12–14; 7, с. 558]. Букварь активно использовался для обучения грамоте в Казанской центральной крещено-татарской школе, открытой в 1864 г.

Николай Ильминский создал, таким образом, первую кириллическую азбуку татарского языка, которой кряшены продолжали пользоваться и в советское время до введения яналифа [7, с. 558].

Очередная «графическая» революция 1939 г. вновь заставила вспомнить об алфавите Н.И. Ильминского и о возможности приспособления к татарскому языку «русского письма». Проходившие в тот период в Татарии дискуссии касались не возможности применения кириллицы в принципе, а лишь введения в татарский алфавит дополнительных букв [9, с. 108–109]. Опубликованный в 1938 г. проект татарского алфавита на основе кириллицы, подготовленный М.А. Фазлуллиным, включал в себя только буквы русского алфавита. В 1939 г. были обнародованы еще два проекта – М.Х. Курбангалиева и Ш.А. Рамазанова. Первый проект предлагал ввести в татарский алфавит шесть дополнительных букв: «ә», «ө», «ү», «ж», «ң», «һ». Второй формулировал основные орфографические правила литературного татарского

языка. Именно эти проекты и легли в основу сформированной тогда кириллической татарской письменности [9, с. 112–113].

Татарский букварь на кириллице изначально был унифицирован, что объяснялось возоблававшей тогда тенденцией к стандартизации учебных изданий, зато выходили они массовыми тиражами. Круг реальных и потенциальных авторов элифбы был резко ограничен: составителями этих букварей стали те, кто писал учебники еще для джадидских мектебов, а позднее – буквари на арабице и латинице для советских школ, те, кто избежал репрессий, а таких было немного. Первым татарским букварем на кириллице, изданным в 1939 г., стал букварь М.Х. Курбангалиева. Этот учебник использовался в школах Советской Татарии вплоть до выхода в 1945 г. «Элифбы» Г.Г. Сайфуллина.

В целом букварь на кириллице лишь незначительно отличался от предшествовавшей ему «Элифбы» М. Курбангалиева и Х. Бадиги на латинской графике, впервые опубликованной в 1933 г. После ареста Х. Бадиги в 1938 г. как участника «буржуазно-националистической организации «Идель–Урал», имя его исчезло с обложки букваря – осталось лишь имя соавтора. После смерти М. Курбангалиева в апреле 1941 г. до конца Великой Отечественной войны выходили посмертные издания букваря под редакцией Д. Сафина.

Издатели, конечно же, хотели бы сделать этот учебник внешне привлекательным – ярким и цветным. Но художественно-полиграфические возможности предвоенного времени, еще более ограниченные в условиях войны, не позволили этого. Однако сочетание контрастных зеленого и коричневого цветов на обложке все же несколько украсило и «оживило» издание.

На протяжении 1939–1941 гг. содержание и оформление букваря оставалось практически неизменным. На с.3, открывающей учебник, изображена молодая женщина, собирающая детей в школу. Этот рисунок прямо заимствован из букваря М. Курбангалиева на латинской графике [10, 1938, с. 3]. Комната, в которой разворачивается действие, хорошо обставлена, что свидетельствует о высоком достатке семьи. На стенах красивые обои, на полу добротный ковер, на видном месте этажерка с книгами и часы. На стене висят портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Это – новый, советский комфорт, приправленный «нужными» идеологическими символами. Одежда матери и детей вполне соответствуют убранству комнаты: она модная и добротная. Женщина с короткой стрижкой одета по-домашнему просто, но изящно. В соответствии с советской детской модой того времени, во много повторявшей взрослые тренды, одеты и дети: на девочке – приталенное пальто с поясом и глубоко заложной складкой на спине, плиссированная юбка; мальчик в массивном, но коротком пальто в стиле «military» с расширенным плечевым поясом, накладными карманами и отложным воротником, в укороченных брюках до колен [10, 1939, с. 3].

И такой рисунок в букваре не единственный. На другом изображена семья из шести человек все в том же домашнем интерьере. Мягкое кресло, большой ковер, «французские» шторы с бахромой на окнах, тяжелая скатерть, высокий фикус в горшке, на стенах картины – от всего этого веяло поистине «буржуазным» достатком. Глава семьи читает газету, младшие дети играют. У мальчика большой паровоз. Его младшая сестра с обручем в руке в красивом,

нарядном платье наблюдает за ним. Остальные члены семьи спокойно беседуют. У матери семейства на руке часы, вырез платья украшен необычайно популярной в то время брошью. Это был немислимый, невообразимый по тем временам шик: столь модной на Западе бижутерии в СССР тогда практически не было, а украшения из золота и драгоценностей – после массовых изъятий и конфискации 1920-х гг. – являлись большой редкостью. Стоит заметить, что на картинке, по утверждению авторов букваря, изображена «простая» советская татарская семья, о чем свидетельствует соответствующий текст: «Отец и дядя Ильяс работают на заводе. Мама работает на фабрике. Гюльюзем-апа – учительница» [10, 1939, с. 61].

Представления об идеальном советском быте были воплощены на этих иллюстрациях в полной мере: вместе с «обуржуазиванием» новой элиты в советской стране отныне начинают цениться прежние «буржуазные» ценности, в частности, традиционные элементы буржуазного интерьера и красивая, модная одежда. Хорошо обставленная квартира, нарядные платья, украшения должны были свидетельствовать о неуклонном повышении благосостояния советского народа. Хотя в действительности до таких «красивых картинок» большинству жителей Советской Татарии в то время было очень и очень далеко [о том, каким на самом деле был интерьер большинства казанских квартир и домов и как одевались казанцы в предвоенные годы см. 11, с. 198–208, 317–320].

Не только частное, но и советское публичное пространство на страницах букваря было резко приукрашено: красивые, благоустроенные школы и детские сады, города и села.

Военная тема в текстах почти отсутствует. **Что значит – почти? Не может такого быть! В конце 30-х годов все просто с ума сошли на поиске врага и защиты СССР. Об этом ты должна обязательно написать и привести примеры!**

Начиная с 1942 года, содержание букваря перестраивается на новый, военный лад. На страницах учебника появляется образ фашиста – главного врага советского народа, которого любой ценой необходимо разгромить². Появляется в учебнике также и изображение военной техники – **какой?**, и изображение красноармейца с винтовкой старого образца³. Лишь в 1945 году в издание включается текст «Помощь фронту». Причем речь идет не о сборе теплых вещей или продовольствия для фронта, что стало уже повседневной обязанностью как детей, так и взрослых. Мальчик Фарид решит помочь фронту по-другому. Он вырастил щенка Сорыбая, выдрессировал его. Школьный военком отправляет собаку на фронт. С фронта приходит письмо: «Сорыбай многих спас от смерти. Фариду большое спасибо»⁴.

Пропаганда здорового образа жизни также была непосредственно связана с войной. В букваре по существу отсутствует описание каких-либо игр и развлечений детей, кроме зимних. Умение ходить на лыжах имело сугубо практическое значение, необходимое в условиях военного времени: «Мы учимся ходить на лыжах, чтобы потом помогать зачищать Родину».

² Корбангалиев М. Элифба. Казан, 1942. Б. 60.

³ Там же. Б. 85.

⁴ Корбангалиев М. Элифба. Казан, 1945. Б. 93.

Профессиональная лыжная подготовка необходима была для разведчиков – нынешних и будущих. Об этом детям напоминал текст «Отцы»: «По берегу реки идут разведчики в белых халатах. Это наши отцы. Мы, как и они, научимся хорошо ходить на лыжах»⁵.

Среди многочисленных текстов о В.И. Ленине и И.В. Сталине есть и традиционный текст о Мамлакат Наханговой – простой таджикской девочке, героине труда и рационализаторе, начавшей «собирать хлопок двумя руками», собравшей «больше всех» и награжденной за это орденом Ленина и часами из рук самого товарища Сталина. При этом Мамлакат – обычная девочка, она учится в школе и даже стала отличницей. Текст сопровождается известным рисунком, где Сталин обнимает Мамлакат⁶ - **рисунок или фото? И кто кого обнимает? Обычно, наоборот, Мамлакат Сталина.** Вывод очевиден: и ты, юный друг, можешь стать таким же советским героем и получить награду из рук товарища Сталина. Образ «товарища Сталина» – «лучшего друга советских детей» – становится в этот период культовым образом советского букваря.

Наградой за успехи в учебе и труде могла быть поездка в Артек. Одним из таких «счастливчиков» стал Марат. Он встретился в Артеке с В.М. Молотовым, который беседовал с детьми, шутил и даже погладил Марата по голове. Узнав об этом, маленький брат (сестра?) Марата воскликнул(а): «Какой он счастливый, мой брат Марат!»⁷ Таким образом, «счастье» даже не в том, чтобы поехать в Артек – счастье в том, чтобы получить личное одобрение и похвалу вождя.

Национальная тематика в иллюстрациях букваря отсутствует вообще, хотя ряд «национальных» текстов сохранился, например, дореволюционный текст «Детские очки», стихотворение Г. Тукая «Гали и коза». Знаковым является текст о дружбе народов Татарстана⁸ – **приведи его целиком обязательно!** В «Элифбе» 1937 года у текста было и продолжение: «Среди развитых стран есть одна страна, которая называется Татарстаном»⁹. Не удивительно, что это предложение потом исчезло: создавая учебники и памятуя о трагической участи своего соавтора, М. Курбангалиев был вынужден остерегаться обвинений в сепаратизме и национализме.

В 1946 году на смену «Элифбе» М. Курбангалеева пришел татарский советский букварь Г.Г. Сайфуллина¹⁰, мало чем отличавшийся от других

⁵ Курбангалиев М. Элифба. Казан, 1944. Б. 89, 92.

⁶ Курбангалиев М. Элифба. Казан, 1941. Б. 94.

⁷ Там же. Б. 97. В тексте повествование идет от первого лица. Установить мальчик это или девочка трудно, потому что в татарском языке нет деления на роды (мужской, женский, средний).

⁸ Курбангалиев М. Элифба. – Казан, 1942 – Б. 72, 75, 84. **Почему ссылка на несколько страниц? Наверняка этот текст на одной!** В татарском языке слово «Татария» не употреблялось.

⁹ Бэдигов Х., Курбангалиев М. Элифба. Казан, 1937. Б. 74.

¹⁰ С 1910 года Г. Сайфуллин начинает составлять учебники и методические пособия для татарских школ. В 1912 году он опубликовал «Сочинения с рисунками на татарском языке» для первого класса. В 1930 году вместе с М. Курбангалиевым издал букварь «Яңа ил» («Новая страна»), построенный по комплексной системе обучения. Он также является автором букварей «Ярыш»

советских учебников такого типа. С 1946 года до 1965 год этот букварь выдержал 19 практически ежегодных переизданий. На протяжении двух десятилетий по нему обучались все татарские дети. Оценивая этот учебник, Ф. Ибрагимов считает его гораздо более удачным по сравнению с букварем М. Курбангалеева, что проявилось, например, в более совершенной структуре учебника – в частности, наличии раздела для чтения после прохождения всей элифбы. После смерти Г. Сайфуллина в 1951 году, работу по переработке и доработке издания выполняла талантливый методист М. Галлямова¹¹.

В «Элифбе» Г. Сайфуллина часто менялись иллюстрации и тексты. Имена художников впервые стали указываться в букваре тогда, когда он полностью стал цветным. В разные годы над иллюстрациями к букварю работали такие известные художники-графики, как Б. Эльменов, Э. Дьячкова, И. Язынин¹². Таким образом, отныне в букварь попадали не случайные рисунки, а иллюстрации, специально разработанные для детей, каждая из которых имела свою конкретную образовательную цель и задачу. В первые три года издания рисунки букваря были простыми, а обложка неброской. Яркая обложка появилась у букваря лишь в 1949 году. На ней были изображены нарядно одетые дети по дороге в школу. Некоторые из них одеты даже в национальную одежду. Школьной формы ни на одном из них пока еще нет, что соответствует действительности: хотя школьная форма была возвращена в 1935 году, в 1940-е – первой половине 1950-х годов она еще не стала обязательным атрибутом школьной повседневности, особенно у мальчиков и на селе, а сзади как раз и видна часть сельской улицы.

Открывает букварь иллюстрация с изображением матери, провожающей детей в школу, заимствованная или очень напоминающая аналогичный рисунок из учебника М. Курбангалиева¹³. Однако в комнате со стены исчезают портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина, чайник на столе заменен самоваром, хотя богатая обстановка квартиры сохраняется. Теперь молодая мать одета в национальную одежду, а дети в городскую. На девочке школьная форма, на мальчике формы нет (и в действительности девочки стали носить советскую школьную форму раньше мальчиков)¹⁴. Совершенно очевидно, что и женщина в этнографическом костюме, и самовар никак не вписываются в интерьер городской квартиры второй половины 1940-х годов. Совершенно иначе выглядит эта же иллюстрация в цветном букваре 1955 года. Женщина прощается с детьми уже не в городской квартире, а в уютном деревенском доме с простым убранством. Одеты она современно, но просто, в повседневное платье и платок. Самовар и часы на стене являются единственным украшением комнаты. Девочка по-прежнему одета в школьную

(«Соревнование»), «Ленин юлы» («Путь Ленина») и др. (См.: Ибрагимов Ф. Белем элифба 78–187.

¹⁰ дан башлана. Б. 179).

¹¹ Там же. Б. 178–187.

¹² Сәйфуллин Г. Элифба. Казан, 1953; Сәйфуллин Г. Элифба. Казан, 1955; Сәйфуллин Г. Элифба. Казан, 1959.

¹³ Сәйфуллин Г. Элифба. Казан, 1946. Б. 3.

¹⁴ Сәйфуллин Г. Элифба. Казан, 1949. Б. 3.

форму с белым фартуком, на мальчике формы нет¹⁵. Любопытно, что изображенные на страницах букваря девочки часто не снимают школьную форму и дома, и во время школьных праздников, например, на новогодней елке¹⁶. Причина заключается, видимо, не только в настойчивом желании авторов букваря пропагандировать новый вид школьной одежды, но и в реальной ситуации, сложившейся на советском потребительском рынке в те годы, когда с нарядной одеждой, особенно с детской, было неважно, да и семейный бюджет часто был невелик. Подчас школьная форма с белым фартуком и была у девочки самым лучшим, самым нарядным, самым красивым платьем – отсюда и использование ее в праздничной ситуации.

Изменился в букваре и рисунок, изображающий семейный досуг и вещно-предметный мир советской семьи. Он стал более реалистичным и вполне соответствующим эстетическим канонам и потребительским идеалам своего времени. Теперь на видном месте в комнате находятся не фикус, а радиоприемник. В целом же «семейная» композиция оставалась неизменной. От года к году менялся только интерьер, количество членов семьи и их одежда. Занятия их оставались устойчиво патриархальными. Глава семьи всегда читает газету, а дети играют или находятся рядом с матерью. В букваре 1955 года рядом с отцом что-то читает и дочь, одетая в школьную форму.

Распределение семейных ролей отражала и одежда взрослых. Мужчина изображался даже дома в костюме и галстуке, что подчеркивало высокий социальный статус этого персонажа, женщина – в простой домашней одежде, что еще раз этот статус закрепляло (неработающая женщина подтверждала высокий социальный статус супруга)¹⁷. Постепенно из букваря стало исчезать изображение большой семьи и распространилось изображение семьи нуклеарной и малодетной. Так, в учебнике 1959 года мать сидит на диване одна с двумя маленькими детьми. На другой странице букваря изображена семья из трех человек – отец, мать, ребенок¹⁸. Бабушки и дедушки «пропали» из букваря совсем, хотя в прежнем понимании авторов джадидских и раннесоветских татарских букварей на арабской графике полная семья всегда должна была состоять из представителей трех поколений. Возврат к такому традиционному пониманию семьи можно увидеть лишь в букваре Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова середины 1960–х годов¹⁹.

Мир ребенка в букварях не был ограничен только семьей. Вербальные и визуальные тексты рассказывают об активной трудовой и общественной деятельности детей. Они помогают взрослым дома, на ферме, в поле, работают на пришкольном участке. Не менее увлеченно занимаются дети своими октябрятскими и пионерскими делами, хотя у них остается время и для игр. Они катаются на лыжах, на санках, отдыхают в пионерском лагере²⁰.

¹⁵ Сэйфуллин Г. Элифба. Казан, 1955. Б. 3.

¹⁶ Там же. Б. 104, 111.

¹⁷ Там же. Б. 111.

¹⁸ Сэйфуллин Г. Элифба. Казан, 1959. Б. 20, 32.

¹⁹ Валитова Р.Г., Вагизов С. Г., Элифба. Казан, 1965. Б. 78.

²⁰ Сэйфуллин Г. Элифба. Казан, 1955. Б. 40, 45. 80 – 83, 100; Сэйфуллин Г. Элифба. Казан, 1959. Б. 37, 71, 83 и др.

Большое внимание уделил Г. Сайфуллин вопросам патриотического воспитания детей. Можно смело утверждать, что тема Великой Отечественной войны и ее герои занимают в букваре одно из первых мест, особенно в изданиях первых послевоенных лет. Причем чувство гордости и уважения к своей стране воспитывается не только через рассказы о героической Красной Армии, но и через близкий, родной и понятный образ отца-героя. Это смелый, отважный командир, увенчанный за свои подвиги боевыми орденами и медалями. Он разбил врага и пришел с победой. И пусть на самом деле домой вернулись далеко не все, этот образ воплощал мечту многих осиротевших в годы войны мальчишек и девчонок, заставляя их надеяться и верить.

Впервые за многие годы существования татарского букваря главным «взрослым» персонажем в жизни детей становится не мать, а отец. «Мой папа – капитан. Он сражался против фашистов. Фашисты были разгромлены. Папа вернулся домой. На его груди сверкают ордена и медали. Он – герой-командир»²¹.

Букварь отразил изменения в игровой культуре детей. В играх появился образ реального «врага» и возможность «отомстить» ему утраченное детство. «Булат играет. Он красноармеец, а медведь фашист. – Вперед за Родину, ура! А... вот, где спрятался враг! Он направил клинок против медведя.

Кровь за кровь!
Смерть за смерть!
Отомстил я,
Фашистам сегодня!»²²

Военная тематика нашла отображение и в иллюстрациях букваря, изображавших современную на тот период военную технику: танк, самолет, боевой корабль и др.²³

На протяжении второй половины 1940-х – первой половины 1950-х годов в букваре сохранялись тексты о В.И. Ленине и И.В. Сталине. Последний раз текст о Сталине встречается в издании 1955 года²⁴. Обязательным становится в учебнике текст о Москве – столице нашей Родины, места, где жил И.В. Сталин и где находится мавзолей В.И. Ленина²⁵. Скрытый советский патриотический подтекст содержали также внешне нейтральные тексты о природе, о колхозах и совхозах, заводах и фабриках.

Хотя, как нам представляется, буквари на арабской и латинских графиках лучше отображают национальные традиции и культуру, связь с национальными истоками в букваре Г. Сайфуллина все же до конца утрачена не была. Сюда впервые был включен текст о Каюме Насыри, в разделе для чтения помещено стихотворение Г. Тукая «Сабит учиться читать»²⁶, хотя

²¹ Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1946. Б. 119.

²² Там же. Б. 125.

²³ Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1953. Б. 103, 105, 123.

²⁴ Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1955. Б. 123; Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1959 и др.

²⁵ Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1946. Б. 133.

²⁶ Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1946. Б. 91; Сэйфуллин Г. Әлифба. Казан, 1949. Б. 112.

другие стихи Г. Тукая всегда присутствовали в татарских букварях. Этнокомпонент более ярко представлен в иллюстрациях к «Элифбе» Г. Сайфуллина больше, нежели чем к «Элифбе» М. Курбангалиева.

В 1958 году Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», предусматривавший введение обязательного 8-летнего обучения²⁷. Началось составление новых планов, программ и на их основании – новых учебников и учебных пособий. Кругозор детей дошкольного возраста неуклонно расширялся – к букварям стали предъявлять повышенные требования. Дети должны были учиться читать и писать за более короткий срок, аналитико-синтетический звуковой метод требовал своего усовершенствования. На страницах «Учительской газеты», журналов «Начальная школа», «Народная школа» и «Советская педагогика» шла дискуссия о современном методе обучения грамоте. Наконец, в 1965 году был опубликован новый стабильный «Букварь» для русских школ²⁸.

Ситуацию, сложившуюся вокруг национальных школ Советской Татарии в этот период, никак нельзя было назвать удовлетворительной. В 1950-е годы началось постепенное свертывание татарских школ и перевод их на русский язык обучения. В 1950-е годы фактически приостановлена была разработка и издание новых учебников, в том числе и букварей, для национальной школы. Если в 1947/48 учебном году в ТАССР на родном языке обучалось 95 % детей-татар, то в 1957/58 – уже 70, а в Казани – всего 16,8%. В 1950–1958 году число татарских школ в республике уменьшилось на 13 % (с 1741 до 1515), учащихся – на 35,6 % (со 197 до 127 тыс. человек). Закон 1958 года еще более усугубил ситуацию, поскольку обеспечил родителям право выбора школы с целью защиты детей «от языковых перегрузок», что привело к массовому переводу татарских школ на русский язык обучения и превращение их в обычные русские школы с изучением татарского языка как дополнительного предмета. В 1958–1967 годах число татарских школ сократилось еще на 7,6 % (с 1515 до 1400). К середине 1960-х годов в Казани осталось всего пять татарских школ, две из них – восьмилетки²⁹. Курс на создание новой исторической общности – советского народа – сопровождался властными практиками, направленными на целенаправленное формирование единого этнокультурного и образовательного пространства.

Тем не менее, даже в столь неблагоприятных условиях в начале 1960-х годов в ТАССР разворачивается работа по созданию нового букваря для национальных школ. В ... году Министерство просвещения республики объявило конкурс на лучший букварь на татарском языке. В 1962 году на конкурс представили свой вариант преподаватели Арского педагогического

²⁷ Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=9934>

²⁸ Здесь нужно сноску на этот букварь.

²⁹ Данные приведены по: Шамсутдинов Д.З., Шайдуллин Р.В. Особенности развития татарской национальной школы в ТАССР в 50–60-е годы XX века // Ученые записки Казанского университета. Т. 154. Серия Гуманитарные науки. Кн. 3. Казань, 2012. С. 101–102.

училища С.Г. Вагизов и Р.Г. Валитова. В 1965 году учебник был опубликован. При составлении букваря авторы его использовали все новейшие достижения языкознания и национальной педагогики. Художественное оформление книги было поручено известному казанскому графику И.Л. Язынину. Он имел определенный опыт работы, который приобрел во время работы над букварем Г. Сайфуллина. Некоторые рисунки, подготовленные им для этого букваря, стилистически и тематически повторяются в «Элифбе» С. Вагыйзова и Р. Валитовой. В 1966 году по художественному оформлению этот букварь занял первое место в России и был удостоен специального диплома.

Как дополнительное пособие к букварю авторы опубликовали «Рәсемле элифба» («Букварь в картинках»). Образцом для него послужила «Азбука в картинках» А.И. Воскресенской (1960). Это пособие предназначалось, прежде всего, для учителей и состояло из 35 рисунков формата А4, вложенных в папку. Каждый из этих ярких и красивых рисунков сопровождает одну из букв татарского алфавита. В предисловии авторы писали о том, что дети часто путают и забывают буквы, и потому такое наглядное пособие просто необходимо. На иллюстрациях представлен знакомый детям растительный и животный мир, а также современная техника, например, вертолет («В»). Не забыли художники и о национальной специфике региона. Примером является изображение памятника Г. Тукаю в Казани в качестве иллюстрации к букве «Һ» (а почему к этой букве?). Художественным редактором книги была Э. Я. Дьячкова, которая работала еще над букварем Г. Сайфуллина. К оформлению были привлечены и другие художники-графики, такие как П.Н. Григорьев, Р.А. Сабитова, Л.П. Анисимов³⁰.

В 1950-е – 1960-е годы оформление детских книг поднимается на более высокий уровень. Это было результатом улучшения качества полиграфического оборудования, повышения мастерства художников детской книги, совершенствования теории книжной графики. Большое влияние на оформление татарских детских книг, в том числе и букварей, оказала русская школа детской книжной иллюстрации³¹.

Несколько поколений татарских детей учились читать и писать по букварю Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова. Несложные и легко запоминающиеся тексты, стихи, яркие рисунки делали процесс обучения легким и интересным. Букварь переиздается и сейчас. До сих пор остается спорным вопрос о возможности применения его в современной школе, ведь за 50 прошедших лет «Элифба» почти не изменилась. В текстах и рисунках практически отсутствует связь с современностью. А может быть имеет смысл оставить букварь в его первоначальном виде? Современность с ее новейшими техническими достижениями окружает детей на каждом шагу, полностью заполняет собой все их жизненное пространство. А «Элифба» останется в этом «новом мире» связующим звеном с давно исчезнувшим миром их бабушек и дедушек и стремительно исчезающим миром их родителей. Когда одна из авторов этой книги спросила своего 11-летнего сына, нравится ли ему этот учебник и стоит ли его сохранить для последующих поколений, последовал такой ответ: «Вы по

³⁰ Вагыйзов Р. Г., Валитова Р. Г. Рәсемле элифба. Казан, 1965.

³¹ Абдулхакова А.Р. Татарская детская книга 1917–1991 гг. С. 38–39.

этому букварю учились? Из вас нормальные люди выросли? Значит, пусть он будет». Может, «устаи младенца глаголет истина»?

Литература

1. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 марта 1938 г. № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=23269>, свободный. Проверено 12.03.2013.
2. Кириллица // Татарская энциклопедия. В. 6-ти тт. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002 – .Т. 3: К–Л. С. 298.
3. Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы (20-30-е гг.). Казань: Магариф, 1998. 207 с.
4. Султанбеков Б.Ф., Малышева С.Ю. Трагические судьбы: (научно-популярные очерки). Казань: Татарское книжное изд-во, 1996. 285 с.
5. Культурное строительство в Татарии, 1917-1941. Казань: Татарское книжное издательство, 1971. 670 с.
6. Ильминский Н. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. [Казань:,1883. с.](#)
7. Ильминского алфавит // Татарская энциклопедия. Татарская энциклопедия. В. 6-ти тт. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002 – . Т. 2: Г–Й. С. 558.
8. Чичерина С.В. О приволжских инородцах и современном значении системы Н.И. Ильминского. [СПб.: 1906. с.](#)
9. Курбатов Х. Татар эдэби теленең алфавит һәм орфография тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. 139 б.
10. Корбангалиев М. Әлифба. Казан: Татгосиздат, 1938–1945.
11. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. 703 с.
12. Харитонов И. Н. Бүләк. Казан: Лито–типог. И.Н. Харитонова, 1912. 12 б.
13. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. 536 с.
14. Зәбири Х. Мәктәп балаларына юлдаш яхүд рәсемле әлифба. Казан: Типо–литог. Импер. Универ., 1907. 50 б.
15. Зәбири Х. Мәктәп балаларына юлдаш яхүд рәсемле әлифба. Казан: Типо–литог. Импер. Универ., 1907. 48 б.
16. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань: Фонд ТЯК, 1991. 209 с.
17. Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 с.
18. Тукай Г. Әсәрләр. Шигърьләр, поэмалар (1909–1913). Казан: Татар. китап. нәшр., 1976. 399 б.
19. Вәлиуллин Р. Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). Казан: Фән, 2004. 220 б.
20. Вагапова Ф.Г. Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник // Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник. Альбом. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2008. С. 4–6.

21. Алпаров Г. Татар әлифбасы. Казан: Лито–типог. И.Н. Харитонова, 1913. 56 б.
22. Максуди Һ. Рәсемле мөгаллим әүвәл. Казан: Лито – типог. И.Н. Харитонова, е.ю. 47 б.
23. Исхаки Г. Зиндан. Казан: Татар. китап нәшр., 1991. 669 б.
24. Махмутова А.Х. Пора и нам зажечь зарю свободы! Казань: Татар. кн. изд., 2006. 254 с.
25. Максуди Һ. Мөгалим әүвәл. Казан: Типо – литог. «Умидь», 1914. 64б.
26. Автобиография Абдул–Кадыра Губайдуллина // Эхо веков. 1998. № 3 / 4. С. 185–189.
27. Гаспринский И. Ходжа–и–сибьян. Баһчисарай: Тәржеман басмаханәсе, 1890. 80 б.
28. Гафарова Ф. «Йолдыз» кабызган Максуди. Казан: Алма – Лит, 2006. 186 б.
29. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению. Симферополь: Доля, 2000. 327 с.
30. Бушков Р. Казан чәе – тәмле чәй. Казан: Б. у. ю., 1994. 62 б.

**VISUAL IMAGES OF THE TATAR NATIONAL PRIMER
AT THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY: CONTENTS AND
CHARACTERISTICS**

D.M. Galiullina, A.A. Salnikova

Summary

The article is devoted to the visual images of the Tatar “new methodic” primers published in the beginning of the XX-th century. A role and place of illustrations as a new for the Tatar national educational tradition teaching texts are determined; special methods of their “reading” and interpretation are offered.

Key words: national primer, Dzhadidism, history, culture, Tatar nation, visual text.

Поступила в редакцию

Галиуллина Диляра Магзумовна – доцент кафедры историографии и источниковедения Института истории Казанского (Поволжского) федерального университета.

Тел. 89033875736

E-mail galiullinadm@mail.ru

Galiullina Dilyara Magzumovna – Docent, Department of Historiography and Methods of Historical Writing, Institute of History, Kazan (Volga Region) Federal University

Tel.: 89033875736

E-mail galiullinadm@mail.ru

Сальникова Алла Аркадьевна – заведующая кафедрой историографии и источниковедения Института истории Казанского (Поволжского) федерального университета.

Тел. 89276738247

E-mail Alla.Salnikova@ksu.ru

Salnikova Alla Arkadyevna – Chair of the Department of Historiography and Methods of Historical Writing, Institute of History, Kazan (Volga Region) Federal University

Tel. 89276738247

E-mail Alla.Salnikova@ksu.ru
